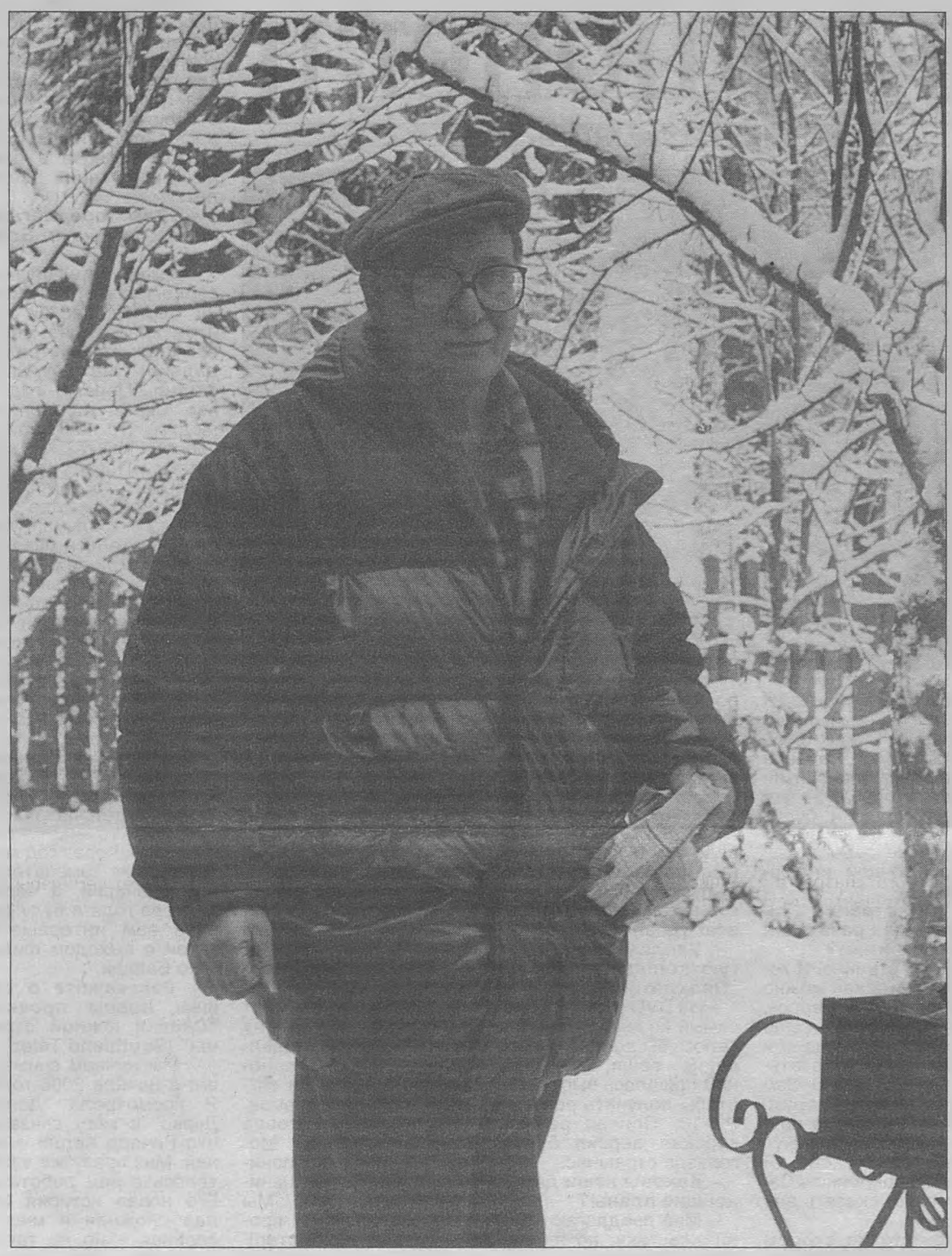
Ученый и артист



Имя Алексея Вадимовича БАРТОШЕВИЧА для человека театрального наполнено множеством смыслов. Среди них – Шекспир, Англия, ГИТИС (ныне – РАТИ), Государственный институт искусствознания, лекции по зарубежному театру, семинары по реконструкции старинного спектакля, критические статьи в периодической печати, научные труды, передачи на телевидении и – неизменно – вечера, проведенные в театре.

Бартошевич для театрального мира – авторитет. Он с равным совершенством владеет и пером, и даром устного слова. Будучи специалистом по английскому театру, является редким знатоком истории театра вообще: и русского, и зарубежного. Он и блестящий лектор, и мастер реплики. Его мечтают заполучить для работы экспертные советы и жюри фестивалей и нередко заполучают.

4 декабря Алексею Вадимовичу – 65. Из них 40 лет отдано преподаванию в ГИТИСе, 30 – работе в Институте искусствознания. В первом – он заведует кафедрой зарубежного театра, во втором возглавляет отдел Современного искусства Запада.

"Экран и сцена" поздравляет Вас, Алексей Вадимович, и чрезвычайно гордится тем, что Вы – наш постоянный автор! Надо ли добавлять, что любимый?!

Валерий Шадрин

Алексей Бартошевич – фигура очень значительная для всего нашего театрального сообщества. И как личность, и как уникальный специалист по зарубежному театру, преимущественно, конечно, английскому, но и не только. Бартошевич стоял в свое время у истоков и Союза театральных деятелей СССР, и Международной Конфедерации театральных союзов, и Международного театрального фестиваля имени А.П.Чехова. Я думаю, его знают почти везде. И я передаю ему поздравления от лица всех его зарубежных друзей, от огромной плеяды театральных деятелей разных рангов.

Леша – замечательный, увлекающийся человек, умеющий объединять людей. Своим благородством, своей порядочностью, способностью вносить какие-то дополнительные интонации в жизнь. Наш коллектив – сотрудники Конфедерации – его безумно любит и ценит. Он у нас в рабочем строю – самый главный специалист и советчик в области английского театра. Что же касается Шекспира, тут мы без него вообще шага не ступаем.

У Леши удивительно творческая семья. Я бы хотел поздравить их обоих: его и Людмилу Тихвинскую. Потому что Лешины успехи в значительной степени определяются еще и тем, какие у них чудесные отношения с Милочкой. Для меня они – два милейших человека, два профессора, два крупных специалиста, связанные неразрывно. И я рад, что так же неразрывно они связаны с нашей организацией.

Бартошевич – человек огромного энциклопедического дарования. О нем можно говорить бесконечно. Но вместе с тем Леша – очень скромный человек, поэтому не хочу произносить никаких особо пафосных слов. Скажу только, что он большой талант и большой наш друг, без которого мы не мыслим Конфедерации.

Видас Силюнас

Внук Качалова, Бартошевич талантливо артистичен в духе артистизма Художественного театра времен его деда. Это артистизм не выпячиваемый, не подчеркнутый, а словно нечаянно берущий в полон. Его книги, статьи и лекции захватывают не в последнюю очередь тем, что Бартошевич не просто бьется над загадками искусства, но играет, разыгрывая свои спектакли, порой более глубокие и блистательные, чем те, о которых ведет речь. Играючи, он вскрывает сокровенную подоплеку трагических шекспировских конфликтов, вновь и вновь, как свидетельствуют его труды, воспроизводимых историей.

Так, хроники английского барда в постановке Питера Холла, как пишет Бартошевич, представляют собой картины войны, увиденные не из романтической дали, но глазами поколения, чье детство пало на военные годы: "Тяжелые топоры, гигантские двуручные мечи, грохочущие по обитому железом полу и со свистом рассекающие воздух в миг битвы. Сражающиеся рыцари напоминают молотобойцев – тяжек труд убийства". Сам же автор этих строк остается на редкость бесконфликтным человеком. Дело тут в безукоризненной, столь органичной для него интеллигентности, в том, что Алексей Вадимович занимается не самоутверждением, подмывающим оттолкнуть ближнего локтем, а утверждением в таком обилии приходящих ему в голову мыслей. При обворожительной мягкости нрава от слишком благостного вида его спасает отменный юмор. Бартошевич может припечатать кого угодно одной фразой, как припечатывает он героя Осборна – шута Арчи Райса, "скверного комедианта, чьи лучшие времена давно прошли – если когда-нибудь были". И тут же, что для него так характерно, Бартошевич находит добрые слова о стареющем шоумене.

Неудивительно, что Алексей Вадимович мгновенно становится любимцем тех, кто его читает или слушает, – будь то студенты, элитарный кружок специалистов или бескрайняя аудитория телезрителей. Ежи Станислав Лец в одном из афоризмов заметил: "Вы говорите, что он мало сделал? Но он снизил средний уровень". Бартошевич – обратный случай: он поднял уровень телевидения на высоту, до которой надо тянуться и тянуться.

Бартошевич чурается откровенного пафоса, но мы можем без ложной патетики сказать, что его публикации и выступления – это этап в русском шекспироведении, в художественной критике и в разработке методологии подлинно театроведческого подхода к театру. Не разменяваясь на авторов поплоше, Алексей Вадимович главным образом обращается к Шекспиру. Но когда он констатирует, что дутый цинизм, бравирование отчаянно мрачным отношением ко всему на свете, как и беспардонное ёрничество, не способны выдержать груз драматической формы, мгновенно исчерпывают себя, становясь постылым театральным штампом, то эти слова, написанные тридцать лет назад по поводу "Перикла" Тоби Робертсона, увы, оказываются применимы и к ряду нынешних постановок. Так что хочется посоветовать и критикам, и историкам, и практикам театра: читайте и перечитывайте Бартошевича, и вы не только испытаете наслаждение, но, даст Бог, извлечете пользу.

Ирина Холмогорова

Алексей Вадимович Бартошевич! "Как много в этом звуке..."! Поэт прав. Много. Во всех своих ипостасях Бартошевич обладает множеством качеств, каждого из которых достаточно, чтобы иметь право делать то, что он делает. Но Алексей Вадимович умудряется всякий раз соединять их. Его научные труды, обнаруживающие блестящего знатока истории мирового – отнюдь не только шекспировских времен – театра, глубоки и при этом по-настоящему увлекательны! Его лекции в студенческой аудитории, концепционно строгие, абсолютно авторские, производят обманчивое впечатление легкой беседы. А простые и доходчивые рассказы о театре на канале "Культура" не "грузят" телезрителя, но в то же время чужды и всякой снисходительности к нему. И то, и другое, и третье привлекает к себе логической ясностью мысли и изяществом ее выражения.

Некоторые из качеств Бартошевича кажутся иногда уже почти раритетными. Вот, например, та же ясность мысли. Вообще-то читать длинные театроведческие тексты в периодической печати сегодня практически невозможно. Разворот в газете и даже только подвал в ней не страшат разве что самого автора. Но объемные диалоги с Бартошевичем Екатерины Дмитриевской в "Экране и сцене" после каждой крупной театральной акции (будь то Театральная Олимпиада или фестивали – Чеховский, "Балтийский дом"), ставшие уже традицией, почему-то читаются легко, в один присест. Может быть, потому, что за непринужденной беседой двух театральных людей вдруг высвечивается общая картина театрального процесса в мире, становятся очевидными его основные тенденции. При глубине знаний и широте взглядов Бартошевич всегда внятен.

Бартошевич артистичен – то, что должно быть свойственно каждому профессиональному лектору, и что дано столь немногим. В прошлом сезоне Театральный центр на Страстном задумал цикл "Золотая лекция". Крупнейшие наши специалисты-театроведы выступали там с лекцией для коллег и студентов театральных ВУЗов. Бартошевич говорил о Питере Бруке. Честно сказать, к этому моменту я о Бруке знала (благодаря тому же Бартошевичу – его статьям, телевизионным передачам, последней книге, наконец), пожалуй, все, что Алексей Вадимович счел бы нужным сообщить аудитории, достаточно разноликой. Послушать все же пошла – прежде всего из уважения-любви к коллеге и немного из интереса к методике публичной, но не популяризаторской, а научной лекции. Феномен этого выступления оказался для меня поразительным. Проблемы методики были забыты тут же. Изве-